

чтобы изучением всего того, что создала народная многовековая культура, внести свою посильную лепту в великое дело строительства новой социалистической культуры, многогранной своими национальными формами.

Г. Чугаев

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

1 июля 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук заведующим отделом Европы Института этнографии Н. Н. Чебоксаровым на тему: «Северные китайцы и их соседи». Представленная работа, объемом около 60 авт. листов текста, сопровождаемого многочисленными рисунками и картами, посвящена истории формирования антропологического состава народов Восточной Азии в связи с их этногенезом. В основу работы положены оригинальные материалы, собранные автором среди китайцев, дунган, иссык-кульских калмыков и целого ряда других этнических групп, а также данные по краниологическим сериям китайцев, монголов, нанайцев, корейцев, малайцев и др., находящимся в музеях Москвы и Ленинграда. Итоги антропологического анализа сопоставляются в работе с результатами археологических, этнографических, лингвистических исследований. Широко использованы литературные источники и неопубликованные материалы советских исследователей, относящиеся к народам Сибири и Дальнего Востока. В качестве официальных оппонентов выступили: доктор биологических наук В. В. Бунак, доктор историч. наук С. П. Толстов, доктор историч. наук С. В. Киселев, кандидат (ныне доктор) биологич. наук Я. Я. Рогинский. Оппоненты весьма высоко оценили представленный труд. Как отметил проф. С. П. Толстов, автором широко привлечена вся имеющаяся антропологическая и почти вся историко-этнографическая и археологическая литература, имеющая отношение к этногенезу китайцев, которую диссертант подверг детальному критическому анализу, противопоставив объективные данные науки псевдоученым конструкциям расовых и близких к расизму авторов. Работа Н. Н. Чебоксарова отражает передовую методологию советской антропологической науки, в выработке которой он на протяжении многих лет принимает активное участие. Концепция Н. Н. Чебоксарова, подчеркнул С. П. Толстов, является концепцией историко-материалистической, ч в этом ее огромное достоинство, ее новизна в применении к проблемам этнической антропологии и этногенеза народов Восточной Азии. Расы рассматриваются автором не как замкнутые, противостоящие друг другу категории, а как категории движущиеся, постоянно меняющиеся. Возражения С. П. Толстова, как и В. В. Бунака, в основном касались структуры работы, зачастую приводящей к повторениям, а иногда и к противоречиям, и затрудняющей подведение итоговых выводов по отдельным антропологическим типам и областям. Спорные положения, по мнению С. П. Толстова, имеются в главе о дунганах, происхождение которых диссертант связывает с кара-киданиями, оппонент же склонен скорее видеть в дунганах потомков военных поселенцев Таньской эпохи в Ганьсу и Синьцзяне, исламизировавшихся и смешавшихся с тюркским населением. В. В. Бунак, давая высокую оценку работе в целом, расходится с автором в отдельных положениях. Он не согласен с принятым диссертантом способом соподчинения выделяемых расовых вариантов, а также считает, что, положив в основу своей гипотезы расогенеза китайцев теорию грацилизации, Н. Н. Чебоксаров должен был установить пределы применения этой теории, которая грешит переоценкой взаимной связи признаков. Я. Я. Рогинский особо остановился на вопросе об автохтонном происхождении китайской культуры; на основании тщательного исследования антропологических, археологических и этнографических данных Н. Н. Чебоксаров с несомненностью установил, что китайский народ возник на месте в результате взаимодействия нескольких этнических вариантов; тем самым автор опроверг «теорию» о пришлом происхождении китайцев и заимствовании ими своей культуры с далекого запада. Большой научный интерес, по мнению оппонента, представляет конечный вывод автора о том, что среди монголоидов могут быть выделены четыре расы, географически ясно локализуемые и морфологически своеобразные (северноазиатская или сибирская, северовосточная или восточноарктическая, восточноазиатская или дальневосточная и южноазиатская), а также выводы автора о расовых вариантах, входящих в состав этих четырех рас. С. В. Киселев, отмечая имеющую самостоятельный научный интерес разработку автором ряда «периферийных» тем, считает, что центральный раздел о происхождении и развитии китайцев имеет исключительное значение для науки. Замечания оппонента касаются вопроса об индонезийских влияниях в иньской культуре; в противоположность Н. Н. Чебоксарову, С. В. Киселев считает, что именно иньская культура Северного Китая, тесно связанная с предшествующим развитием, оказала сильнейшее влияние на культуру южной части Азиатского материка. Спорным представляется оппоненту высказанное автором положение о большой близости карасукцев к севернотибетскому типу, что, с точки зрения С. В. Киселева, не согласуется с новейшими археологическими открытиями. Оппоненты квалифицировали представленную работу как крупное событие в антропологической и этнографической литературе; давая новое освещение крупнейшей проблеме расо- и этногенеза населения одной из важнейших областей эйкумены, этот труд, по их мнению, представляет огромный интерес для советской

и мировой науки. Н. Н. Чебоксарову единогласно присуждена степень доктора исторических наук.

1 июля 1947 г. научным сотрудником Института этнографии Е. М. Пещеревой защищена кандидатская диссертация на тему «Женское гончарное производство». Работа, написанная по материалам, собранным лично автором в течение ряда лет в различных районах Таджикистана, представляет собой монографическое описание гончарного производства, вступящего и по сей день среди горных таджиков, ягнобцев и припамирских иранцев. В диссертации дано подробное описание процесса этого производства на отдельных его стадиях, с выделением локальных особенностей, показан последовательный переход от наиболее примитивных ступеней развития его техники к более усложненным, вплоть до развитого городского производства, рассмотрены особенности орнамента на женских керамических изделиях, дано описание организации этого вида женского труда и связанных с ним верований и обычаев. Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский и доктор исторических наук С. П. Толстов — высоко оценили представленную диссертацию как образцовое этнографическое исследование, основанное на более чем двадцатилетней работе автора, привлечшего, помимо результатов своих полевых сборов, широкий сравнительно-этнографический и археологический материал. Исследование это, подчеркнул С. П. Толстов, представляет большой интерес не только для этнографов, но и для археологов, так как оно дает ключ к пониманию ряда археологических фактов, не освещенных или неправильно освещенных в специальной литературе. Работа Е. М. Пещеревой еще раз показала, какое значение для понимания археологических памятников имеет правильно поставленное этнографическое исследование. Диссертанту единогласно присуждена степень кандидата исторических наук.

23 декабря 1947 г. защитили кандидатские диссертации окончившие аспирантуру Института этнографии Л. А. Старцева и Ж. Я. Бухбиндер-Дехтеренко. Диссертация Л. А. Старцевой — «Похоронные причитания Олонекского края» — построена на материалах предыдущих публикаций этого рода, на исследовании неопубликованных материалов, хранящихся в архивах Москвы и Ленинграда, и на личных записях диссертантки. Как отметили официальные оппоненты, проф. И. Н. Розанов и кандидат филологич. наук В. И. Чичеров, выбор темы для диссертации обусловлен весьма малой изученностью этого жанра фольклорных произведений и тем интересом, который представляет этот жанр для понимания жизни народа в прошлом и настоящем и для раскрытия процессов современного народного искусства. Оппоненты отметили детальную разработку историографии вопроса, представляющую собой первый опыт критического обзора литературы о причитаниях. Значительный интерес представляет данное в диссертации исследование связей причитаний с похоронным обрядом и верованиями, хотя, по мнению В. И. Чичерова, диссертантка, успешно проведя анализ отражения в плачах дохристианских верований, недостаточно полно вскрыла противоречие между образами христианской легенды и мотивами и образами плача. Не выяснены также связи похоронного обряда и причитаний с семейной общиной великоруссов, характерной для населения Олонекского края XIX — начала XX в. Большое значение имеет поставленная Л. А. Старцевой проблема связи и различий былин и причитаний в условиях русского севера, и выводы, к которым пришла диссертантка, представляются оппоненту правильными; но, подчеркнул В. И. Чичеров, желательнее было бы при дальнейшей работе над темой более детально разработать вопрос о соотношении причитаний с отдельными видами былин, в первую очередь с новеллистическими и, в меньшей степени, с героическими, что может помочь внести значительные коррективы в распространенную теорию происхождения эпической песни из погребального плача. Наибольший интерес по своей тематике представляет последняя глава диссертации, посвященная разбору причитаний, созданных в послеоктябрьский период. Диссертантке удалось проследить процесс отъединения жанра причитаний от похоронного обряда, образования качественно нового жанра, порвавшего с древними верованиями. Вместе с тем в работе подчеркивается и огромное социально-политическое значение плачей как одного из видов современного фольклора. Возражения со стороны В. И. Чичерова вызывает данная диссертанткой классификация причитаний, которые она делит на две большие группы: причитания, отражающие личные чувства, и причитания, отражающие чувства коллектива; тем самым диссертантка в некоторой степени противопоставляет личность советского человека коллективу, что ярко опровергается разбором приводимых ею самой текстов. Оппоненты подчеркнули, что, несмотря на имеющиеся в диссертации недочеты и некоторую недоработку поставленных в ней вопросов, она представляет собой оригинальную аналитическую работу и является несомненным шагом вперед в деле изучения жанра причитаний. Выступивший в прениях проф. П. Г. Богатырев отметил успешно проведенную Л. А. Старцевой полевую собирательскую работу, материалы которой умело использованы в диссертации. Л. А. Старцевой присуждена степень кандидата исторических наук.

Кандидатская диссертация Ж. Я. Бухбиндер-Дехтеренко, также защищенная 23 декабря 1947 г., озаглавлена: «Туркмены накануне и в период завоевания их царской Россией». Официальными оппонентами выступили: доктор исторических наук А. П. Окладников и кандидат историч. наук Н. А. Кисляков. Работа, представляющая собой историко-этнографическое исследование туркменских племен, распа-

дается на три части. Первая из них содержит раннюю историю туркмен и общую характеристику их племенного состава и их расселения перед столкновением с царской Россией. Во второй части рассматривается положение и быт в XIX в., главным образом, туркмен-теке, явившихся основным объектом военной агрессии царизма и оказавших ей наиболее стойкий и организованный отпор. Третья часть исследования рассматривает взаимоотношения туркмен с царской Россией перед завоеванием Туркмении и их героическую борьбу, кульминационным пунктом которой явилась защита крепости Геок-тепе. Исследование основано на обширном литературном материале с привлечением восточных нарративных источников, на архивных документах и полевых материалах, собранных автором путем опроса стариков — участников и очевидцев описываемых событий. Как отметили оппоненты, привлечение нового фактического материала и критический пересмотр с марксистских позиций ранее известных данных позволили диссертантке дать полноценное, оригинальное исследование, заполняющее существенный пробел в области разработки узловых вопросов истории туркменского народа. При этом диссертантка сумела строго критически подойти к выводам дореволюционных авторов — идеологов царской России, в частности Гродекова, выявив истинную политическую сущность их концепций, и, с другой стороны, — вскрыть идеализаторские построения представителей националистической идеологии, каким был, например, Хан Йомудский. Наряду с этим оппоненты отметили и ряд имеющихся в работе недостатков и недоработку отдельных вопросов. Так, заметил А. П. Окладников, диссертантка не дала достаточно четкой характеристики социально-экономических отношений у туркмен, ограничившись беглым замечанием о наличии прослойки бедняков, зависевших от богатых сородичей, тогда как, подчеркнул оппонент, необходимо было прямо указать, подкрепив это фактическим материалом, что в период перерастания патриархально-родовых отношений в феодальные существование родовых учреждений вполне совмещается с эксплуатацией богатыми сородичами бедноты. Обойден в работе вопрос о рабстве у туркмен. Несогласен А. П. Окладников с характеристикой, данной диссертанткой аламанству, которое она рисует как особую форму антифеодальной борьбы и борьбы за независимость, игнорируя экономическую сторону аламанства как постоянного, хорошо организованного и выгодного военного промысла. Следовало бы также полнее раскрыть на фактах высказанное диссертанткой положение о том, что присоединение к России было «меньшим злом» для туркмен, постоянно подвергавшихся угрозам агрессии со стороны среднеазиатских ханов и иранских шахов. Увлечшись описанием героической борьбы туркмен за свою независимость, отметил Н. А. Кисляков, диссертантка недостаточно объективно подошла к оценке роли российского завоевания, не показав его положительных сторон. Другое замечание Н. А. Кислякова относилось к вопросу о консолидации туркменских племен в рассматриваемый период, значение которой диссертантка явно преувеличила, видя в этом процессе, якобы прерванном российским завоеванием, предпосылки для образования самостоятельного туркменского государства. Между тем только советская власть обусловила возможность консолидации туркменских племен, до этого раздиравшихся межплеменной и межродовой борьбой, и создания ими своего национального государства — Туркменской ССР. Все указанные недостатки, по мнению оппонентов, не препятствуют признанию ценности представленной работы и присуждению ее автору степени кандидата исторических наук. Ж. Я. Бухбиндер-Дехтеренко присуждена искомая степень.

13 апреля 1948 г. защитили кандидатские диссертации окончившие аспирантуру Института этнографии А. И. Першиц и Н. П. Новоселов. Темой своей диссертации Н. П. Новоселов избрал «Военные игры русского народа и их отношение к эпохе военной демократии». Доктор исторических наук А. П. Окладников, выступив в качестве официального оппонента, дал подробное освещение представленной работы. Автор ее, сказал оппонент, «впервые в русской этнографической и исторической литературе нарисовал полную и яркую картину того в высшей степени своеобразного явления русской народной жизни, которое известно под названием кулачных боев, дал ему исчерпывающее объяснение как закономерному историческому явлению...». Автору удалось на основе чисто этнографической трактовки проблемы убедительно показать корни и важное значение в истории русского военного дела традиций древнего возрастного деления воинов, с которым было связано глубокое построение войска, и наличие резервов, обеспечивающих удачный окончательный удар, рассчитанный на полное сокрушение и окончательный разгром врага свежими силами. Привлекая сравнительно-исторический материал, автор диссертации показал, что кулачные бои не являются исключительной особенностью русской действительности, а находят себе аналогию на широком фоне исторического прошлого других народов. Кулачные бои прошли длительный путь эволюции и достигли наибольшего развития на определенной исторической ступени, на ступени военной демократии, при переходе от первобытно-общинного строя к классовому обществу и государству. Отмечая удачное разрешение диссертантом целого комплекса поставленных перед собой проблем, А. П. Окладников подробно остановился и на слабых местах работы. К таковым он отнес в первую очередь недостаточно фундированную интерпретацию диссертантом некоторых фактов первобытной истории. Так, например, диссертант отрицает возрастную дифференциацию в среде первобытных коллективов и связывает ее с началом разложения кровнородственных связей и с развитием связей территориаль-

ных. А между тем, указал А. П. Окладников, многочисленные факты свидетельствуют о древности возрастного разделения труда и появления его задолго до разложения семейных связей. Основное положение диссертанта о связи военных игр с эпохой военной демократии требует, с точки зрения оппонента, уточнения периодизации. Если бы диссертант в своем исследовании пошел глубже в прошлое, он мог бы показать, как возникают военные игры из обычной в родовом обществе военно-охотничьей тренировки его членов, из той системы воспитания юношества, которая характерна для этого общества и обусловлена его коллективистскими началами. Большой интерес представляют бегло упомянутые диссертантом, но не исследованные им факты существования женских кулачных боев, участия женщин в мужских боях, также уводящие нас за исторические пределы зрелого классового общества и снова поднимающие вопрос об амазонках. Проф. В. В. Мавродин, особенно отделил то значение, которое может иметь обсуждаемая диссертация для разработки чисто исторических проблем. Так, например, русские кулачные бои «стеною» представляют собой своеобразную «археологическую находку», дающую возможность исторической науке использовать новые материалы для освещения ранних эпох военного быта и военной практики восточных славян. Прослеживая связь военных игр с древнейшими военно-погребальными обычаями, диссертант сделал первую попытку дать объяснение обычаю славянской тризны, рассматривая ее в тесной связи с культом предков, получившим в условиях всенной демократии новые общественные атрибуты. «Таким образом», — резюмирует оппонент, — изучение географического распространения народной военной игры на территории СССР и характера возрастного комплектования «стенок» может оказать историкам существенную помощь в разрешении проблем этногенеза восточнославянских племен». Вместе с тем, анализируя этнографический материал, диссертант сумел оттенить особенности характера русского народа, выявив разительные отличия русских кулачных боев от военных игр стран классической древности и Запада, где уже в сравнительно ранние эпохи эти игры оказались кровавой забавой в руках социальных верхов. В правилах русской кулачной борьбы отразились высокие моральные качества русского народа, который и в борьбе с врагом не проявлял бесцельной жестокости. В дискуссии выступили проф. П. И. Кушнер, проф. М. О. Косвен, проф. С. П. Толстов, И. И. Потехин, М. Г. Рабинович, проф. В. К. Никольский. П. И. Кушнер и И. И. Потехин указали, что, по существу, заглавие диссертации не соответствует ее содержанию, ибо автор ограничился исследованием только одного вида военных игр — кулачной борьбы. При этом проф. Кушнер выразил сомнение в целесообразности разработки данной темы в наше время. Отвечая ему, М. Г. Рабинович, указал, что обсуждаемая работа является значительным вкладом в дело изучения древнерусских военных игр и военного искусства и постановка данной темы безусловно нужна для Института этнографии, подготавливающего монографию о восточных славянах, в план которой должна входить и обсуждаемая тема. С этим высказыванием полностью солидаризировался и проф. С. П. Толстов. Диссертанту признана степень кандидата исторических наук.

Диссертация А. И. Першица, защищенная в тот же день, посвящена вопросу о родоплеменной организации и племенном составе кочевников Северной Аравии в XIX—XX вв. Выступив в качестве официального оппонента, проф. С. А. Токарев отметил в первую очередь то значение, которое имеет постановка данной темы для выяснения ряда общих вопросов, связанных со спецификой общественного уклада кочевых народов, — родоплеменной структуры, семейно-брачных норм, большой и малой семьи, роли пережитков родовых отношений в классовом обществе. Актуальность разработки данной темы в настоящее время, когда, с ростом национально-освободительного и антиимпериалистического движения среди народов Востока, арабские страны начинают играть все более заметную международно-политическую роль, — не подлежит сомнению. Тем более, что, обобщающего исследования об общественном строе бедуин в мировой литературе не имеется; работа А. И. Першица в значительной мере восполняет этот пробел. Большой интерес, по мнению С. А. Токарева, представляет раздел о большой семье у кочевников. Умело анализируя материал, удачно критикуя своих предшественников, автор показал, что фактический материал, говорящий о большой нерасчлененной семье, относится лишь к оседлому населению, у кочевников же и полукочевников господствует малая семья. Представляют интерес также замечания диссертанта о различных формах земельной собственности — на обработанную землю и на пастбища, которые всегда оставались в общеплеменном владении. В главе о внутривосемейных отношениях диссертант, выступая против имеющейся в буржуазной литературе тенденции переоценивать «демократизм» общественного строя бедуин и архаизировать этот строй, показал наличие имущественного расслоения в среде бедуин. Исторически прослеживая взаимоотношения типов кочевого, полукочевого и оседлого хозяйства, А. И. Першиц отверг господствующий в буржуазной литературе взгляд о том, что кочевой быт — исконное и древнее состояние арабских племен; указав на глубокую древность земледельческой культуры в Аравии, диссертант тщательно проследил сложный исторический процесс перехода кочевников к оседлости, отметив и обратный процесс номуадизации оседлых земледельцев. Остановившись на недочетах работы, проф. Токарев выразил сожаление о том, что автор не увязал вопрос о взаимоотношениях между бедуинами и

оседлыми племенами Аравии с проблемой возникновения и распространения ислама и арабского халифата, не показал, какое значение имели эти взаимоотношения и для зарождения вахабитского движения как идеологического отражения противоречий между земледельческим и кочевым населением Аравии. Недостаточно четко сформулировал диссертант свои выводы о типе и формах эксплуатации у кочевников, чем ослабил силу своей критики, направленной против буржуазных исследователей. Второй оппонент проф. В. Б. Луцкий, целиком присоединяясь к высокой оценке, данной С. А. Токаревым представленной работе, более подробно остановился на тех ее положениях, которые представляются ему спорными или недостаточно разработанными. Диссертант, по его мнению, не провел четкого различия между политикой империалистических мандатных властей Сирии, Палестины и Ирака и политикой феодальной администрации правительства Саудовской Аравии. Он не показал, что политика мандатных властей направлена к разжиганию межплеменных войн, к использованию отдельных племен как военной и политической опоры империализма. Не показал диссертант и различия между процессом оседания в Саудовской Аравии и в бывших подмандатных областях, где этот процесс наталкивался на отсутствие свободных земель, захваченных империалистическими властями и их феодальной агентурой. Автор преувеличивает антагонизм между номадами и оседлым населением, не акцентируя внимания на таких важнейших явлениях, как их совместные действия в национально-освободительном движении. В частности, трактуя восстание 1920 г. в Ираке как восстание кочевников и полукочевников, вызванное кризисом животноводческого хозяйства, диссертант не показал, что в его основе лежал колониальный гнет империализма. Правильно отмечая классовую дифференциацию внутри бедуинских племен, автор не всегда улавливает глубину этой дифференциации и смыкание шейхской верхушки с английскими колонизаторами. В заключение оппонент отметил имеющиеся неточности в транскрипции и погрешности в части использования источников. Третьим оппонент, кандидат историч. наук Т. А. Жданко, разобрав содержание представленной работы, подробно остановилась на тех явлениях, свойственных исследуемым автором племенам, которые находят себе параллели у некоторых народов нашей страны — казахов, якутов, каракалпаков. Таковы вопросы о большой и малой семье, о патронимии, о «подплеменах». «Это звено родоплеменной структуры арабов, — отметила Т. А. Жданко, — на наш взгляд вполне аналогично каракалпакским и узбекским «тюбе» — парным или четным сочетаниям крупных родов, которые, как и арабские «подплемена» Першицем, трактуется нами как реликт древней дуальной организации».

В своем ответном слове диссертант, основываясь на данных исследованного им фактического материала, отвел ряд замечаний, высказанных оппонентами (например, по вопросу о вооруженных набегах бедуинских племен на земледельческое население, о различии в мероприятиях мандатных властей и феодальных правительств Саудовской Аравии и др.). Что касается вопроса о возникновении ислама и халифата, ответил диссертант, то этот сложный вопрос нельзя затрагивать мимоходом и потому он сознательно был опущен. Все оппоненты сошлись в оценке работы как весьма солидного научного исследования, целиком базирующегося на марксистской историко-материалистической методологии, которое, в виду актуальности темы и отсутствия в литературе подобного обобщающего труда, желательнее скорее издать. Диссертанту присуждена искомая степень.

О. Корбе

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ В. И. РАВДОНИКАСА «ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА»

8 и 15 мая Группа общей этнографии (Институт этнографии АН СССР) провела обсуждение книги проф. В. И. Равдоникаса «История первобытного общества», т. 2, 1947. Обсуждение коснулось как 2-го, так и 1-го тома, вышедшего в 1939 г., так как обе эти книги представляют единый курс лекций, прочитанных проф. Равдоникасом на Историческом факультете Ленинградского университета.

В кратком вступительном слове С. П. Толстов выразил пожелание, чтобы в первую очередь обсуждению подверглись такие важные вопросы, как данная в книге периодизация истории первобытного общества, соотношение археологического и этнографического материалов в освещении автором проблем первобытности, проблемы первобытного мышления и т. д.

Впервые задача освещения первобытного общества на основе археологии и этнографии была поставлена советской наукой, вооруженной марксистско-ленинской методологией, сказал М. О. Косвен. Автор, поставив перед собой эту трудную задачу, с ней не справился, так как этнографический материал дается отдельно от археологического. Автор пользовался источниками XVII—XIX вв., забывая о новейших работах этнографов, ссылается на случайных для этнографии лиц. Работы советских этнографов не использованы. М. О. Косвен перечислил ошибки, допущенные В. И. Равдоникасом в вопросах общего характера. Так, В. И. Равдоникас некритически заимствовал Бюхервский термин «присваивающее хозяйство» по отношению к охоте